

Сергей Филиппов (Серж Фил)

Хроники ТСМ

*Это больше, чем
правда, это — жизнь!*

Сергей Филиппов (Серж Фил)

**Хроники ГСМ. Это больше,
чем правда, это – жизнь!**

«Издательские решения»

Филиппов (Серж Фил) С.

Хроники ГСМ. Это больше, чем правда, это – жизнь! /
С. Филиппов (Серж Фил) — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-839804-9

Все знают о великих стройках современности — Северном и Южном Потоках, Силе Сибири... Но не всем известна будничная изнанка этих проектов. А она проста: люди пашут в самых суровых местах нашей страны, игнорируя капризы природы, «нежность» северного климата и не всегда адекватное отношение к себе работодателей. Но чувства долга, юмора и пофигизма помогают преодолевать все трудности легко и непринуждённо...

ISBN 978-5-44-839804-9

© Филиппов (Серж Фил) С.
© Издательские решения

Содержание

Голубые глаза	6
1	7
2	8
3	9
4	10
5	11
6	12
7	14
8	16
9	18
10	20
11	23
12	25
13	28
14	30
15	32
16	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Хроники ГСМ

Это больше, чем правда, это – жизнь!

Сергей Филиппов (Серж Фил)

Иллюстратор Сергей Викторович Филиппов

© Сергей Филиппов (Серж Фил), 2017

© Сергей Викторович Филиппов, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4483-9804-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Голубые глаза

Казус Северного Возея.

*О, сколько встреч и расставаний
Для нас готовят случай-Бог
И пофигизм – кузен скитаний,
И раздолбайство, в смысле, рок!*

1

– Полная ахинея! – бросил я в сердцах тетрадь на спальник.

– А ты почитай, или дай я сам почитаю, – состроил просительную гримасу Евген.

– Да хрен ли тут читать! Если я говорю, что это ахинея, то так и есть! И потом, мой почерк не разберёт никто. Даже я сам.

– Подожди, подожди. Если ты не разбираешь свой почерк, то как же ты читаешь свои сочинения? – вклинился Женька. Его не корми стущёнкой, только дай всё разложить на свои полочки, да не просто так – где что придётся, а конкретно: каждую вещичку – на своё не меняемое место!

– А я ничего и не читаю. Напишу и выкидываю к чертям собачьим, чтобы не позориться!

– Ну Серж, ну почитай, – сделал Евген гримасу настолько просительную, что самый искусный нищий по сравнению с ним выглядел бы рэкетиром.

– Ну прочитай, прочитай, – поддержал его Женька, – всё равно ведь не отстанет. Да и мне, признаться, любопытно узнать, как ты выплетаешь из своих мозговых извилин канву кружев литературного сюжета.

Я только закашлялся от столь умного предложения – даже для Женьки это было лихо!

– Хорошо, но за последствия этого действия ответственность закидывайте на свои хребты!

– Я! Я! – подскочил Евген. – Я всю ответственность беру на себя!

– Ну-ну, не надорвись только, – ухмыльнулся я и начал читать так, словно описывал на похоронах нелёгкую жизнь человека, ушедшего в мир иной, но задолбавшего за эту жизнь остающихся до суицида.

– ...Нет, не может стать мачехой нам эта вечно мёрзлая земля. Да и не мерзлота это, а необходимая суровость, которая закаляет наши характеры и тела и делает из нас нормальных мужчин! – наконец-то закончил я чтение.

Наступила мучительная пауза, в которую я осознал всю банальность своей писанины. Мне стало так противно, что руки сами собой разорвали листы пополам и собрались было возвести эту процедуру в арифметическую прогрессию. Но Евген не дал мне в этом поупражняться и с резким вскриком выхватил листки из моих рук:

– Ты что делаешь, Серж, ведь это так здорово!

Он быстро спрятал листочки за пазуху и прикрыл грудь ладонями:

– Раз они тебе не нужны, то я их забираю себе. Когда-нибудь, когда ты станешь знаменитым писателем, они будут так дороги!

– В смысле денег или как раритет? – уточнил Женька.

– А что такое раритет?

– Раритет – это очень редкая вещь.

– Да, Женька, правильно, – это будет раритет, стоящий офигенных бабок!

2

– Что? К Фёдорычу?! – кусок печенья развернулся ребром у меня во рту и намертво заклинил глотку.

– К нему, к нему, – ехидно закивал Иваныч, не отводя напряжённого взгляда от экрана компьютера, где девицы, одна краше другой, хвастались своими попками, грудками и другими, не менее привлекательными частями своих телес.

– А что такое? – завертел головой Евгений. – Кто такой этот Фёдорыч?

– Фёдорыч – это не кто, а что! – вздохнул Женька.

– И что же это? – продолжал допытываться Евгений, в котором любопытство разгоралось, как антрацит в котле с поддувом.

Но Иваныч не дал нам ответить:

– Короче. Завтра поедете и привезёте Фёдорыча с бригадой и помоете в своей бане. Всё!

– Ага, – мрачно усмехнулся Женька, – и спинку ему потрём!

– Потрёте, потрёте, а куда вы денетесь!

Напоследок Иваныч, как и обычно, убрал заставку с экрана, где у нас красовалась симпатичная девушка, абсолютно не отягчённая одеждой. Он вытащил из недр компьютера какой-то дерьмовый пейзажик, полюбовался на него минуту, и, помахав нам на прощание ручкой, был таков!

Как только я услышал звук взвывшего двигателя великолепной автомашины «Москвич», я тут же вытащил нашу девушку на своё место и нежно погладил экран ладонью. Эта обнажённая красавица настолько нам всем нравилась и так мы к ней привыкли, что почитали её за сестру, за члена нашей бригады. Мы давно не смотрели на её сексуальные прелести, но глаза её, выразительные, понимающие, были для нас близкими и почти родными.

– Так что же такое Фёдорыч?! – Евгений вертелся на своей раскладушке, будто в зад ему вкрутили штопор.

Женька закурил свою любимую элэмку из пачки синего цвета (он заботился о своём здоровье, поэтому курил сигареты только лёгкие, правда, компенсируя сомнительную лёгкость несомненной частотой) и посмотрел на Евгения немного снисходительно:

– Я не стану тебе, Евгений, рассказывать долго и утомительно об этом незаурядном человеке. Поведаю тебе только одну историю. Даже не историю, а так, штрих. Однажды ночью, в пургу, из балка, стоящего в тундре, где в радиусе двадцати километров не было ни одной даже неприличной человеческой рожи, вышел мужчина. И пошёл он... на хрен – куда глаза глядели! И он не побоялся ни этой полярной ночи, ни распоясавшейся пурги, ни зверствующего мороза, ни бабки с сельхозинструментом! Он ушёл в ночь, в неизвестность, к едрене фене, потому что его задолбал Фёдорыч!!!

Евгений приоткрыл рот, повернул голову набок и восхищённо произнёс:

– Эге, какой он! Хотелось бы мне его увидеть!

– Да, – понимающе покивал я, – на того храброго мужика и я бы посмотрел,

– Да причём тут тот мужик? – передёрнул плечами Евгений. – Я говорю про Фёдорыча!

3

Настроение было настолько паршивое, что даже самоубийство его вряд ли улучшило бы. Ну ещё бы – я ехал за Фёдорычем, а рядом с этим и смерть-старушка покажется прекрасной амазонкой! Если честно, я бы притворился больным, немощным, даже идеально мёртвым, чтобы только не ехать за этим деятелем, но ведь он там был не один. В его бригаде работали отличные ребята, а их я подвести не мог. И, тем не менее, настроение было паскудным!

Стрелка спидометра нашего «братишки» – так мы называли пожилого «уазика-буханку» – едва цеплялась за цифру «60», и быстрее ехать мне не хотелось. Дорога, сконструированная из бетонных плит, выжатых вечной мерзлотой хаотично, но живописно, повернула и побежала направо, в лощину, где протекал ручей с чудесным, но абсолютно абстрактным для нормального человека названием – Сяттейвис, потом, миновав мост, круто взяла в гору и опять резко вильнула, но теперь уже влево.

На самом верху подъёма, накренившись на скошенной обочине, приткнулась «девятка» белого цвета, а рядом с ней, скрестив на груди руки, в задумчивости стояла особа явно прекрасного пола – это я не увидел, а почувствовал. Здесь, в краю мужиков, женщины настолько редки, что их поистине чувствуешь за километры всеми своими трепетными органами!

Я объехал «девятку», лихо тормознул на обочине и, напялив на рожу сногшибательную (как мне казалось) улыбку, почопал к девушке, а определить то, что это была именно девушка лет до двадцати пяти, реакции у меня хватило вполне.

– Ну, не иначе наша девочка закапризничала! – похлопав по крылу «Жигулей», жизнерадостно начал я.

– С какого это рожна она вдруг стала «нашей»? – глаза девушки недобро кольнули меня, а на личике просквозила брезгливость. – Ехал бы ты отсюда, парниша, подале!

Я даже вытер ладонью свою физиономию, так явно было чувство, что её окатили холодными помоями.

– Вообще-то я хотел помочь, но если... – начал я бормотать какую-то чушь, но потом махнул рукой, повернулся и, ссутулясь, поплёлся к «уазу».

Я залез в кабину, изо всей силы хлопнул дверцей, отчего стекло мгновенно улетело внутрь её, и резко завёл двигатель.

– Ну и фиг с тобой, горячка хренова! А я-то уж совсем хорош, придурок! Чтоб я ещё хоть раз захотел какой-то идиотке помочь!

Я включил левый поворот, бросил взгляд в зеркало и увидел... То, что я увидел, заставило меня без раздумий выключить зажигание и выйти из кабины. Да и никто, я уверен, не посмел бы уехать, окунувшись в эти печальные голубые глаза, из бездны которых капали – да где там капали! – просто водопадом стекали слёзы!

4

– ...И он, паразит, смотрит под капот, «вешает» мне про какие-то клапана и контакты, а руки его, грязные и липкие, – я это чувствую даже через одежду! – прикасаются к моим плечам, потом опускаются всё ниже, ниже...

– Да надо было влепить ему по роже пару раз! – взорвался я. – Да такую скотину и утопить-то не жалко!

– Утопить?! – ужаснулись голубые глазки, но я явственно в них увидел брызги озоринок. – Об этом я как-то не подумала. А по роже да, я ему влепила разочек, правда, тут немного не повезло.

– Удар получился не очень смачным? – улыбнулся я.

– Да нет, у меня в руках случайно оказалась книжечка, в которой я пыталась отыскать помощь. Вот ею я ему и залепила.

– И что за книжечка?

– А вон, – кивнула девушка, и я увидел на сиденье «Жигулей» книжищу устрашающих размеров.

Я тут же детально представил себе и удар этим фолиантом, и возможные последствия:

– И ты говоришь, что тебе не повезло?!

– Почему мне? – вопросительно заморгали густые чёрные реснички. – Не повезло ему. Ведь больно, наверное?

Неисправность оказалась достаточно пустяковой. Я её устранил, распрощался с симпатичной девушкой и помчал дальше.

Теперь меня совсем не угнетало то, что я еду к Фёдоричу, и стрелка спидометра металась между цифрами «80» и «100», что для нашего братишки было практически пределом.

Так часто происходит, что встреча с приятным человеком возвращает желание улыбаться, а, порою, и жить. И пусть ты знаешь, что никогда его больше не увидишь, но вспоминать о нём всегда будешь, как о добром приятеле.

Мне было хорошо, легко, и даже неровные плиты дороги, заставляющие плясать брейк внутренности, были лишь чувственным дополнением к прекрасному настроению.

Нищая тучка скупо брызнула на ветровое стекло жиденькие капли влаги. Я включил тумблер, и единственный «дворник» смахнул с половины стекла дождевки. Но смахнул он их неровно, потому что давно уже отработал все мыслимые сроки, а новые резинки Иваныч пока только обещал. И внезапно в этих полустёртых каплях и водяных бороздках я увидел лицо голубоглазой девушки. Оно было таким чётким и близким, словно она стояла перед машиной. Я вгляделся в него, и нога моя резко вдавила педаль тормоза. Машину затрясло, задёргалось, и резина колёс жалобно запричитала, стираясь о бетон. Но я не обратил на это внимания. Я разворачивался. Я это делал, даже не взглянув в зеркало заднего вида, и если бы кто в этот момент объезжал меня, то продолжать повествование мне пришлось бы в больнице или в морге, а это не совсем удобно.

Но нет, по счастью сзади никто не ехал. Зато ехали впереди! Я не завидую тому водителю нефтевоза, я ему искренне сочувствую! И ещё спасибо, что у его «Урала» такие мёртвые тормоза!

Я гнал назад, гнал к тому месту, где я встретил величайшее чудо, сказку, где я встретил СОВЕРШЕНСТВО! Стрелка спидометра встала по стойке смирно или, быть может, замерла от ужаса на цифре «110», но нога всё давила и давила педаль акселератора!

Конечно же не было там ни девушки, ни «девятки». Не было там никого и ничего. Был только я – самый большой идиот и придурок во Вселенной!!!

5

Меня радостно приветствовали Сапоги. Нет-нет, у меня ещё крыша не совсем отчалила от горя, чтобы я одушевлял обувь. Речь идёт всего лишь о братьях Сапоговых, работающих, вернее, отбывающих каторжные работы у Фёдорыча.

Всего братьев было трое: двое правильных, а один не очень. В общем, если сравнивать с обувью, то дело обстояло так: Мишка – это сапог правый, то есть абсолютно правильный, спокойный, рассудительный и завязавший с чрезмерностями; Колян – сапог левый, то бишь периодически развязывавший и рассуждающий не спокойно; ну и Сашка – сапог непонятного направления и размера, не отличающийся ни упорством и мастерством в работе, ни прилежностью в поглощении огненной воды. Короче, это были три сапога – полторы пары.

В бригаде Фёдорыча были только правильные Сапоги. Сашка же работал у Палыча, из чего я сделал правильный вывод, что и его бригада тоже здесь. Ещё в бригаде Палыча присутствовал Пилял – это был представитель горного народа на крайнем севере. Вообще-то он был карачаевец и жил не совсем высоко в горах (у подножия), но зато нарзан протекал почти что у его постели, так же, как у наших постелей иногда протекают ручейки канализации.

И Пилял не замедлил с появлением:

– О, Серожа! – подошёл он ко мне и принялся по горскому обычаю обниматься.

Тут же нарисовался и Палыч:

– Ты чего-то поздно, Серёга, сломался, что ли?

– Да, сломался, – с тоской в голосе произнёс я, – сломался и, наверное, уже никогда не почиюсь!

– Так что, баня отменяется?

– Нет, баня не отменяется, отменяется счастье!

Пробормотав эти слова, я тут же прочитал возможные мысли ребят, с недоумением уставившихся на меня. Мысли были интересны и оригинальны, но, в большинстве своём, сводились к медицине. Мне стало неловко за свою слабость и, тряхнув головой, я сказал бодрым голосом, пытаясь прогнать хандру:

– Ничего не отменяется! Всё отлично, пацаны! Где там наш доблестный Фёдорыч? Поехали!

– А его нет. Он пошёл в душ, – плеснул мне в лицо бальзамом Палыч.

– Куда?

– В душ. Тут, на дэнеэске, у него знакомые. Он сказал, что с нами не поедет, а сходит к ним в душ.

Боже мой, но мне стало так стыдно, что одно это маленькое известие почти прогнало моё непоправимое горе!

Мы выехали на шоссе и через минуту были у перекрёстка, от которого шла дорога на дожимную насосную станцию, куда пошёл мыться наш дорогой Фёдорыч. И мы все бросили сочувственные взгляды, обращённые знакомым Фёдорыча, которым выпала честь принимать его. Но взглядам этим не суждено было долететь до адресатов, они вернулись к нам быстрее самых быстрых бумерангов самых искусных аборигенов: на перекрёстке маячила невысокая фигура, увенчанная весёлой физиономией, обрамлённой всклокоченной рыжей бородкой. Я обречённо нажал тормозную педаль.

– Здорово, Серёга! Рад тебя видеть! – выдохнул Фёдорыч. – Какое счастье, что я не опоздал!

6

– Ну и ничего особенного в этом вашем Фёдорыче я не заметил, – разочарованно выдавил Евгений, когда я, отвезя добела отмытых изыскателей в их балки, вернулся назад.

– Интересно, – пожал Женька плечами, засовывая в рот очередную дымящуюся «соску», – а что ты хотел заметить?

– Не знаю, но вы тут наговорили столько ужасного!

– Неправда, – стряхнул Женька пепел с сигареты мимо баночки-пепельницы. – Никаких ужасов мы тебе не вешали.

– Да-да, об ужасах не было и намёка, – поддержал я бригадира, – а вот юморного в жизни Фёдорыча происходило немало!

– Да? – оживился Евгений. – Так расскажите!

Женька потушил окурок и достал новую «соску»:

– Что ж, послушай.

Выноска первая,

доказывающая, что Фёдорыч – человек-легенда!

Ну нету никакого зла и ужасов в нашем Фёдорыче! Совсем наоборот. С ним интересно общаться: он много знает, умеет достаточно занимательно рассказывать. Он может прекрасно организовать быт – особенно для себя. Он может заставить работать, опять же для себя, даже тех, кто к этой работе не имеет ни малейшего отношения, и они будут работать так, как будто этот труд – дело всей их жизни!

Однажды бригада Фёдорыча производила съёмку линии электропередач. Дело было зимой, но температура – ноль, поэтому снег жизнерадостно прилипает к лыжам, и они весят не меньше танковых гусениц! И вдруг Фёдорыч находит пункт геодезического обоснования и решает к нему привязать ход, хотя это и необязательно. Но если он решил – амба! Только вот проблема: как докопаться до центра пункта, который находится не только под метровым слоем снега, а ещё и ниже уровня земли? И здесь, на счастье Фёдорыча, но на свою беду, с ближайшей просеки вырываются два трелёвщика, возвращающиеся с дальних делянок после тяжелейшего трудового дня. Фёдорыч мгновенно загорается радостью. Он лихо и уверенно тормозит один из тракторов, залезает на гусеницу, и все слышат его высокий крик, заглушающий рокот мотора:

– Значит так, мужик, слушай меня! Сейчас ты нам расчистишь тут площадочку метров десять на десять, больше не нужно, но смотри, когда будешь снимать нижний слой снега, не сверни центр знака, а то плохо будет!

Бедный тракторист, ничего не понимая, но чётко осознав, что Фёдорыч – это какой-то крутой начальник, непонятным образом попавший в таёжные дебри, беспрекословно начинает выполнять всё требуемое. Трелёвочник натужно ворчит, разгребая грязные мокрые валы снега, и ловко уворачивается от вездесущего рыжего командира, упорно залезающего под самый отвал, чтобы как можно точнее показать, что и как именно нужно сделать. Второй же тракторист, оказавшийся более сметливым, включает девяносто девятую скорость и, наплевав на наезженную колею, валит прочь, увязая в целине по крышу кабины.

Через полчаса, измучив до предела сговорчивого механизатора, расчистившего площадку в полгектара до самой травы, Фёдорыч всё же отпускает бедолагу, даже не сказав ему «спасибо». Но тот, вероятно, и сам ещё бы приплатил, лишь бы смотать от этого строгого и неугомонного начальника!

А Фёдорыч, довольный, смотрит в свои бумаги, потом на откопанный с таким трудом центр и выдаёт:

– Ладно, хрен с ним, не будем привязываться, ещё мало отошли от исходных. Через пару километров другая пара пунктов будет.

А ещё Фёдорыч обладает самым богатым набором практических вещей, необходимых в суровых полевых условиях!

Однажды случилось, что бригада его закончила работу и посреди открытой тундры ожидала вертолёт, который должен был её вывезти на базу. Был конец мая. Снег, набрякший влагой, лыж уже не держал, и ноги постоянно проваливались в вязкую мокрую гущу выше колен. И вот послышался долгожданный рокот «вертушки». Машина приблизилась и, как это положено, принялась совершать несколько кругов над местом посадки, дабы определить направление ветра и уточнить обстановку. Но Фёдорыч проявил себя истинным знатоком вертолётного дела:

– Так, орлы, хватайте вещи, и бежим вон туда, там будет посадка. Вон, лётчик нам показывает место! «Орлы» хватают вещи, инструменты и пытаются со всем этим скарбом бежать по снежной каше. Метров через двести, измотанные на ноль, они видят, что вертолёт разворачивается и уходит назад.

– Стоп! – командует Фёдорыч. – Назад!

И марафонский спринт возобновляется в другую сторону.

Когда в четвёртый раз Фёдорыч дал старт, ни один из рабочих не дёрнулся, да и самому бригадиру, как видимо, уже не хотелось не только бегать, но даже стоять.

А вертолётчики в это время ломали головы, что же означают сии движения вниз, происходящие так целенаправленно и упорно?

В общем, вертолёт приземлился так, как и нужно – там, где находились люди, правда, люди эти были мокры до нитки, злы до безумия и обессилены до желеобразного состояния, и только один из них упрямо мотал головой, как будто пытаясь кому-то доказать его неправоту.

Да, много слухов и легенд ходит о Фёдорыче и много их соответствует правде. А разве так бывает, чтобы легенды складывались о недостойных людях? НИ-КОГ-ДА!

7

Едва Иваныч прошёл в дверь, я подскочил к нему:

– Иваныч, ты должен сделать одно дело!

Тот посмотрел на меня без малейшего удивления:

– Должен – сделаю.

– Нет, конечно, ты не должен, – осознав всю бестактность своего заявления, притормозил я.

– Не должен – не сделаю, – пожал плечами Иваныч и уселся к компьютеру.

Через минуту наша сестрёнка отправилась в чрево электросхем процессора, а на экране монитора возник дебильный пейзажик.

– Иваныч! – взмолился я. – Ну послушай меня!

– Слушаю, – повернул он ко мне своё лицо, но взгляд от экрана не оторвал.

– Ты можешь мне найти одну машину?

– Да хоть десять, – не моргнув ответил Иваныч. – Какая тебя устроит: джип, инвалидная коляска или нефтевоз?

– Мне нужна белая «девятка»!

– И по какой цене?

– В каком смысле? – съехал я с темы.

– Ну, по какой цене она тебя устроит?

– Да при чём тут цена? Не нужна мне никакая машина!

– Я не понимаю тебя, Серёжа.

– Чего тут непонятного? – я начал понемножку заводиться. – Не нужна мне никакая машина! Мне нужен хозяин её. Вернее, хозяйка. Это же так просто!

– Ну так бы сразу и сказал, – вздохнул Иваныч и вытащил из кармана куртки блокнот и ручку. – Говори номер машины и имя хозяйки.

– Эх, Иваныч, ты и шутник! – заулыбался я. – Если бы я это всё знал, зачем бы стал тебя напрягать?!

– Здесь, Иваныч, такая штука, – вступил в наш странный диалог Женька, – Серёга тут доездили за разными Фёдорами до того, что в кого-то втюрился, и нету теперь нам с Евгеном покоя ни днём, ни ночью!

– Это точно, – ехидно поддакнул Евгений, – особенно ночью – стонет и скрипит зубами, как вампир на диете!

Иваныч убрал блокнот и ручку на место и посмотрел на меня, как на ребёнка, находящегося в последней стадии дебилизма:

– А ты хоть представляешь, сколько в Усинске белых «девяток»?

– Нет, я даже не представляю, сколько в Усинске красных «восьмёрок»! Но, Иваныч, ты же найдёшь её?!

– Как?

– По глазам! У неё обалденные голубые глаза!

– У кого, у «девятки»?

Теперь уже я посмотрел на него, как на ребёнка, находящегося... (ну и так далее):

– У девушки.

Иваныч несколько раз сжал и разжал пальцы правой руки и повернулся к Женьке:

– Дай сигаретку!

Я округлил глаза:

– Ты же не куришь!

– Тут и запьёшь, и закуришь. Серёга, ну откуда ты такой взялся?!

Я, искренне недоумевая, только пожал плечами, потому что в этот момент я абсолютно не помнил не только о своём происхождении, но и о происхождении всего человечества в целом!

Иваныч сделал несколько глубоких затяжек и резко потушил сигарету в баночке из-под кофе, служившей у нас на должности пепельницы:

– Чёрт с тобой, рассказывай, как она выглядит. Но очень-очень подробно.

– Так, – воодушевился я, – у неё обалденные голубые глаза! Просто чудо какое-то!

– Про глаза мы в курсе. Давай дальше.

А дальше всё оборвалось. Я вдруг понял, что ничего, абсолютно ничего не помню о той, кем так внезапно и страстно заболел! Не помню ничего, кроме этих волшебных глаз!

– Прости, Иваныч, я идиот, – промямлил я и, махнув рукой, едва не заплакал от беспомощности, навалившейся на меня так же энергично, как бесцеремонная толстая баба на теще-душного мужичонку.

Да, вероятно, видок мой был идеально трагичен, потому что никто не только не засмеялся, но даже не улыбнулся, а в нагловатых глазках Евгена тускло блеснула влага.

Но Иваныч неожиданно встрепенулся и хлопнул рукой по столу:

– Да всё отлично, Серёжа! Я, кажется, уже придумал объявление, которое развешу по всему Усинску: всем хозяйкам белых «девяток», имеющих обалденные голубые глаза, срочно прибыть на регистрацию на Северный Возей. Там вас ожидает ваша судьба!

8

– Ну, вот и твердь земная! – радостно вздохнул Евгений и тут же провалился в болотину почти по пояс.

– И это ты называешь твердью? – бросил я, с интересом наблюдая, как парень барахтается между шевелящихся кочек.

– Это дырочка в тверди, – уточнил Евгений, погружаясь всё глубже.

– Ага. Это, вероятно, то самое место, которое так тебя всегда манит.

– Что ещё за место?

– Влагалище. Но, правда, земное. И, всё же, как тебе в нём?

Евгений подумал секунду и выдавил:

– А как и в обычном влагалище: мокро, склизко и тепло. Хотя нет, тепло резко убывает. Пацаны, а я ведь так и утону в этой пи... пiske! Засосёт она меня и хрен обратно выплюнет! Тащите меня отсюда!

– Да, совсем мужик дошёл, – Женька неторопливо снял очки и принялся их тщательно протирать. – Только-только дорвался до склизкого и мокрого и нате – вынимайте! А ведь как ты мечтал об этом прекрасном месте!

– А я и сейчас мечтаю. И даже очень зверски.

– Так в чём же дело? Вот оно. Наслаждайся!

– Да нет, спасибо, размерчик не мой! Я лучше ещё немножко потерплю, а вдруг да обломится где-нибудь что-нибудь подходящее.

– Подходящее подо что? – не смог не встрять я.

– Под твой язык! – лихо отобрал меня Евгений и громко заверещал: – Да тащите меня скорее, а то я так и утопну, не вкусив напоследок настоящего тепла и ласки!

Мы с Женькой поднатужились и легко выдернули Евгения из чрева болота. И вот он, любитель и ценитель прекрасных женских мест, стоит перед нами, дрожащий от холода и мокрый ниже подмышек. На Евгение всего один сапог. Другой остался там, во влагалище.

– И что мне теперь делать? – спросил парень, пытаюсь стоять на одной ноге, словно так ему могло стать теплее.

– Нырять, – предложил Женька.

– Или не нырять, – предложил я.

– Мне?! – изумился Евгений. – Я же только что оттуда! Я мокрый и замёрз весь!

– Значит, ты предлагаешь всем нам промокнуть? – блеснул логикой ума Женька.

– И к тому же, сапог нужен только тебе, мы с Женькой не претендуем, – добавил я ложку логики своей.

– Да нет, я не хочу, чтобы вы промокли. И сапоги у вас есть. Но не могу я туда нырять! – И, подумав, Евгений добавил: – А как вы вообще это представляете?

Я посмотрел на него, как на младенца:

– Ты что, не нырял никогда?

– В болото? Никогда!

– Тогда это тем более должно быть тебе интересно!

– Серж, ты что, псих?

Я пожал плечами:

– Вот уж чего не знаю, того не знаю.

– Да нет, Евгений, Серёга не псих, – выпустил в гадкий воздух струю ароматного дыма Женька, – он тебе предлагает нормальный экстрим.

– Точно, – поддержал я, – это экстрим, чисто для конкретных пацанов!

Евгений, услышав эти слова из так знакомого ему арго, даже перестал дрожать:

– А ведь точно. Это такой крутой экстрим, которым никто ещё не занимался! Вот потом своим корешам расскажу – они отпадут от зависти! Всё, я сейчас нырну, а вы меня держите за ноги.

– А стоит ли? – выдавил я из себя сомнения.

– Что стоит ли? – не понял «экстремал». – Нырять?

– Нет. Держать тебя стоит ли? Ведь если не держать, то это будет супер экстрим!

– Да, но тогда я вряд ли о нём кому-нибудь расскажу! – горько улыбнулся Евгений, доказав, что и он умеет размышлять не только алогично!

9

Женька затосковал. Я это понял, едва проснулся.

Он лежал, скучно уставившись в потолок, и выпускал мощные клубы дыма, которые тяжёлыми волнами перекатывались в нашей небольшой комнатухе. Но не столько Женькина скучная физиономия стала признаком его тоски, сколько время пробуждения. А времени было всего семь, и то, что наш босс, как называл его Евгений, продрал глазки в такую рань, красноречиво говорило о его ненормальности.

Вообще-то пробуждение нашей бригады происходило примерно так. Вначале просыпался я, поскольку и ложился раньше всех. Первое время я пытался поднять своих собригадников и поделиться с ними прекрасным летним утром и горячим северным солнышком, но, получив от них пару раз краткую характеристику своей незаурядной личности и несколько довольно точных адресов необходимого следования (правда, без указания того, что там предстояло сделать), мне пришлось прекратить эти поползновения. Но всё-таки я поднимал ребят. Я долго и нудно ходил из угла в угол, неназойливо брякал чайной ложечкой и негромко хрустел сухарями. А ещё мне очень нравился скрип моей кровати. Но он почему-то ужасно не нравился остальным! И вот, после пары часов моей маеты, наконец-то наступало пробуждение. Вначале из внутренностей спальника доносилось хриплое ворчание Женьки:

– Вот ведь, гад, самому не спится, так и другим покомарить не даст!

– Да спи, пожалуйста, кто тебе мешает! – изображал я полное радушие.

– Спи?! – выскакивала из спальника физиономия, со всех сторон густо облепленная рыжей спутавшейся растительностью. – Да если бы я был даже мёртвым, то и тогда хрена с два уснул бы! Это вон Евгению всё по фигу, он бы и в эпицентре ядерного взрыва заснул!

– Ну это и понятно.

– Что понятно?

– А то, что у Евгения совесть чиста. Только с чистой совестью можно спать так сладко.

– А у меня, значит, совесть подпачканная?

– Это уж тебе лучше знать. Я же могу сказать только о себе: моя совесть просто залеплена грязью – ни единого чистого пятнышка!

– И где ж это ты так вымазался?

– Да есть ещё прекрасные места на этом свете.

А Евгений и в самом деле мирно почивает, абсолютно не слыша нашей довольно громкой пикировки и вызывая этим в нас, а, особенно, в Женьке зависть непонятного цвета. И Женька, оставив меня, принимается за Евгения:

– А ну, хватит дрыхнуть, раздолбай! Подъём! Ишь, разоспался, чистюля!

Евген открывает заспанные глазки и бормочет:

– Да, я люблю помыться и этим отличаюсь от тебя.

– Что-о?! – орёт Женька и выскакивает из спальника, как мурена из своей норки. – Ещё ты мне тут будешь фитюльки вкручивать!

Зря он это говорит. Откуда же Евгению знать такое заковыристое словечко. Он делает из своих глаз правильные шестигранники и спрашивает шёпотом:

– А что это такое?

Но Женька и сам точно не может объяснить смысл данного выражения и, чтобы не рухнуть фейсом в гумус, только отмахивается:

– Книжки читать нужно. И не только детективы!

– А я не только детективы читаю, я, между прочим, даже Толстого прочитал!

– Всего?! – не могу я сдержаться от удивлённого восклицания.

– Не всего, а так, кое-что.

- И что же именно?
- «Войну и мир». Первые три... как же они называются?
- Книжки? – подсказал я, наполняясь уважением к человеку, совершившему такой подвиг.
- Нет, не книжки.
- Главы? – уважение моё сменяется иронией.
- Да нет, не главы.
- Тогда что же? – Женька в удивлении, он даже забывает поджечь свою неизменную «соску».
- Да три страницы я прочитал, ёлки-палки! – выдыхает Евгений, делая хитрую рожу, и непонятно, наивен ли он до беспредела или издевается над нами вполне осознанно.

Но сегодня Женька затосковал, и пробуждение получилось естественным и скучным.

Я молча вылез из спальника и, внимая зову организма, почопал на улицу. Очумевшие комары, всю ночь занятые тщетными поисками провизии, заметили меня не сразу, и целых десять секунд я стоял спокойно и неподвижно. Но когда несколько десятков полуметровых жал одновременно воткнулись в различные части моего тела, волей-неволей пришлось начинать танец, который со стороны наверняка был похож на самый скверный брейк-данс или на лихо исполненную пляску святого Витта.

Я влетел в комнату, во всё горло благословляя милую природу и расчёсывая всеми пальцами зудящие места укусов.

– Как там? – выпустил Женька облако табачного дыма, сопоставимое по размерам и едкости со всеми дымовыми выбросами Северной Магнитки.

– Здорово! – потянулся я. – Кажется, гроза будет.

– Гроза? – подскочил радостно Женька. – Так это то, что нам нужно!

– А как же мы будем в грозу работать? – изумился Евгений. – Нас ведь может убить!

– Не бойся, Евгений, убить тебя никто не сможет. Кроме меня. А сегодня у нас будет выходной. Серёга, заводи братишку, мы едем на Харьягу!

– На Харьягу?! Да ни за какие деньги!

– Ну что ж, как хочешь. Нет, так нет. Просто я подумал, а вдруг мы там найдём белую «девятку»? Ведь она, сдаётся мне, оттуда ехала.

10

Мы возвращались с Харьяги на предельной скорости, пытаюсь вырваться из горячих объятий грозового фронта. Со всех сторон лохматые огненные плети стегали наугую тундру, а громовые раскаты заглушали не только рёв двигателя, но даже шелест мыслей в голове. Евгений, находящийся в салоне братишки, просунул голову к нам в кабину и при каждом взрыве грома вскрикивал так тонко, будто его оскопила шаровая молния.

Я же не мог насмотреться на это великолепие. Вообще для меня гроза – это самое грандиозное зрелище! А ещё я ощущаю всем своим существом, как подпитываюсь энергией от каждой молнии, и, чем ярче и дольше плавит воздух огненный жгут, тем легче и бодрее становится у меня на душе и в теле. И я уже вовсе позабыл, что не нашёл на Харьяге ни белой «девятки», ни, тем более, её хозяйки, я был весь во власти стихии, я был в ней целиком!

Два часа ночи, а я ещё не сплю. Нет, жаркий факел любви не поджаривает моё сердце, и оно, дымясь и кровоточа, не пытается умчаться к той, чьё сердце, по-видимому, совсем-совсем холодно, по крайней мере, ко мне. Нет, во мне, кажется, уже всё перегорело, и упрямые стрелы логики безжалостно продырявили трепещущую душу, ловко и надёжно приколол её к стенке реальности. Я почти спокоен, но всё-таки в два часа ночи мне не спится. Да нет, всё вру, я бы с радостью заснул, но мне этого сделать НЕ ДАЮТ!

За тоненькой стеночкой, где находится вторая наша комнатка, в которой мы оборудовали кухню, сидят два алкаша и пытаются разговаривать шёпотом и слушать музыку на минимуме громкости. Но, вероятно, вы и сами понимаете из собственного опыта, что даже шёпот может быть громче рёва голодного верблюда, если шепчущий изрядно «примет на грудь», а два моих коллеги нынче, что называется, дорвались! Да, конечно, они пьют только пиво, но его так много, что в нём можно утопить небольшое оленьё стадо вместе с пастухами, их семьями и собаками! Плюс ко всему, в этом пиве столько градусов, что правильнее было бы его назвать слегка разбавленной водкой. Что там говорить, алкоголь – это гадость, от него, в конечном итоге, всегда только проблемы и вред. Да что я буду вам тут парить мозжечки, вы прекрасно это знаете и сами. Потому и любите опрокинуть пару-тройку стопариков и запить их пивком. Правда?

Итак, я героически пытался заснуть. И мне это почти уже удалось, но внезапно в кухоньке наступила тишина, а потом с нежным скрипом начала открываться дверь. В светлом прямоугольнике дверного проёма показался Евгений. Он осторожно двинулся вглубь комнаты, держа в вытянутой руке какой-то листочек. Посредине комнаты Евгений зацепился за стул и грузно перевалился через него, издав при соприкосновении с полом звук, с которым бетонные плиты сваливаются с кузова неисправного самосвала. Громко сказав самыми простыми словами, что он думает об этом стуле, этой комнате и этой стране, Евгений, кряхтя, поднялся и устался в листок. Мне стало ужасно интересно, что же у него там такое, но я всё же остался лежать неподвижно, не показав, что не сплю. А в дверном проёме появилась волосатая всклокоченная голова и зашипела:

– Ты что, придурок, тише не можешь? Серёгу разбудишь!

– Да нет, он крепко спит, – оторвался Евгений от своей бумаженции и, покачнувшись, завалился на стол. Стол радостно вздрогнул и весело сбросил с себя на пол всё, что на нём было. А было на нём немало, в том числе и посуда, которая жизнерадостно забрякала по половицам.

– Идиот! – снова раздалось шипенье, но теперь оно было громче и походило на вздох больного паровоза. – Идиот! Ты же разбудишь не только Серёгу, но и всю охрану буровой!

Если честно, я в это поверил, хотя от нас до буровой было метров триста-четырееста!

Евген снова поднялся и подошёл вплотную ко мне. Я закрыл глаза и старался дышать ровно. Мне удалось это с громадным трудом, потому что смех душил меня добросовестно и вдохновенно – так и Отелло не душил свою любимую Дездемону!

– Да нет, Жень, он спит.

– Точно?

– Конечно. Глаза же закрыты!

– Ну, тогда ладно, – прошипела голова и исчезла из светлого прямоугольника.

А Евген, сверясь со своим листочком, принялся шарить в Женькиных вещах. Очень долго он, сопя, как старая лошадь, и кряхтя, как Генеральный Секретарь ЦК КПСС, что-то искал. Слава Богу, это что-то наконец-то нашлось, и Евген пополз прочь, уронив по пути всё, что он не уронил при первой попытке.

Дверь закрылась, и тут я резко провалился в зыбучие пески сновидений. Мне снилось, что в нашу комнату вбегает Иваныч, весь исцарапанный, измазанный губной помадой и явно изрядно поддатый. Он хватает меня за грудки и начинает трясти, как жена мужа в день получки:

«Серёга, ты меня достал своими голубыми глазами!»

После этого Иваныч залезает под мою кровать, и оттуда слышится негромкое пение:

«Очи чёрные, как боюсь я вас,

Очи чёрные, как хочу я вас!»

Мне хочется ему сказать, что он неправильно поёт и я заглядываю под кровать, но вижу там Евгена, держащего в руке листок туалетной бумаги:

«Вот видишь, Серж, – жалуется он, – бумага-то бракованная. На ней нету лицевой стороны!»

По лицу Евгена катятся слёзы. Их так много, что скоро образуется речное русло. Оно меня подхватывает и выносит на улицу.

На улице я почти слепну от яркого голубого света. Это сияют глаза сотен девушек, выстроившихся стройными рядами, а за ними всё видимое пространство занимают белые «девятки». Заметив меня, девушки принимаются истошно кричать и рвать на себе одежду. Голубое сияние глаз сменяется на беловатое свечение разнообразных обнажённых грудей. Голова моя идёт кругом, я теряю вес и слегка приподнимаюсь над землёй. Я чувствую себя арабским шейхом, принимающим парад у своего гарема. А девушки, не останавливаясь на достигнутом, начинают срывать с себя остальную одежду, и меня пробивает дрожь от предстоящего зрелища. Но, увы, перед шеренгой появляется шустрая голубоглазая девица и орёт пискливым голоском:

«Что вы делаете, леди? Ему же нужны только наши глаза!»

Над толпой проносится вздох ужаса, и девицы поспешно одеваются. А шустрая поднимает руки вверх и кричит:

«Три-четыре!»

И вся девичья толпа принимается скандировать:

«Вы-бе-ри ме-ня! Вы-бе-ри ме-ня! Вы-бе-ри ме-ня!»

Голова моя пухнет от шума, вот-вот она лопнет!

И вдруг всё стихает. Толпа расступается, как волна от брошенного камня, и я вижу ЕЁ! Она стоит, переминаясь с ноги на ногу, и видно, что ей очень неловко. Я раскидываю руки в стороны и бегу к ней. И я сжимаю её в своих объятиях, а сердце моё разрывается на тысячу маленьких сердечек! Но её руки вдруг отталкивают меня, и я вижу, что это вовсе не моя голубоглазая мечта, а... Евген! Он держит в руках кусок туалетной бумаги и нудит:

«Серж, что же делать? Как же подтираться без лицевой стороны?!»

Я хватаю этого придурка за ворот, отрываю от земли и легко закидываю на крышу дома. А небо резко темнеет, и вот оно уже совсем черно. И из этой черноты вырывается толстая лохматая молния и медленно-медленно летит прямо на меня. Перед самым моим лицом она

со скрипом тормозит, и из её огненной пасти высовывается язык. Во мне всё меркнет, сознание угасает, и я отключаюсь, но успеваю всё ж гордо подумать, что я стал покруче любого экстрасенса, коль смог разглядеть полёт молнии на её бешеной скорости в сто тысяч километров в секунду!

11

Я проснулся около полудня, чего со мной не случалось уже очень давно. Мои друзья громко почивали, всхрапывая и постанывая, а иногда и вскрикивая. Как видно, сны им снились тяжёлые и порочные.

Воздух в комнате был настолько тухл и вонюч, что меня едва не вывернуло. Я схватил одежду и поспешил на кухню, надеясь, что там-то вздохну вольно. Хрена с два! Если уж топики что-то делают, то делают это на совесть! Кухня была в таком бардаке, что бедной сказочной Федоре и в диком кошмаре не приснилось бы! На полу, столе и стульях живописными кучками в стиле поп-арта находились грязная посуда, остатки еды, открытые консервные банки, сапоги и портянки, и всё это было щедро припудрено толстым слоем пепла и окурков. Не одеваясь, я распахнул окно во всю его ширь и спешно помчался на волю.

На улице не было ни одного комара, ни единой мушки, но совсем не потому, что они все благополучно передохли от какой-то благородной эпидемии. Нет, они попросту утонули в потоках ливня, который, вероятно, бушевал уже давненько, потому что сразу за порогом начиналась огромная лужа, а кончалась она так далеко, что края её терялись за горизонтом, который, кстати, тоже терялся. Вода сплошным потоком стекала с крыши, и я умылся, не сходя с порога.

Через пять минут уборочных работ на кухне из меня слиняло последнее желание этим заниматься. Коварно, как дефолт на Россию, навалилась хандра и принялась вязать из моей души морские узлы. И дело было совсем не в том, что меня угнетала и бесила эта разруха на кухне, этот спёртый воздух. Нет. Опять все мои мысли, весь я, были там, с нею, моей любимой. Я думал о ней всегда, везде, но сейчас вдруг чётко осознал, что никогда-никогда её не встречу, никогда не загляну в её волшебные глаза! И мне стало так тоскливо, что я застонал, опустился прямо на пол и, прислонясь к стенке, принялся стучать о неё головой.

Я ритмично долбил стену, приговаривая, как запиленная пластинка:

– Ну приди ко мне! Я умираю без тебя!..

Дверь осторожно приоткрылась, и в неё просочился... Евгений. Он смотрел на меня глазами, в которых были ужас и удивление. Я тут же прекратил мучить ни в чём не повинную стенку и спросил его шёпотом:

– Что с тобой?

– Со мной?

– Ну да. Ты посмотри на себя в зеркало!

Евгений мгновенно исчез, но через минуту вернулся, держа в подрагивающей руке небольшое зеркальце:

– Серж, ты меня больше так не пугай!

– Я тебя не пугаю, но твоё лицо было просто ужасно!

– Да ты на своё посмотри! – и Евгений сунул мне в руки зеркальце.

Я его взял, взглянул, но увидел в отражении не себя, а опять голубые глаза любимой. Я отбросил зеркало и снова долбанул головой в стену. В этот раз удар получился удачным – кастрюля, висевшая прямо надо мной и доселе выдерживающая сотрясения, наконец-то благополучно слетела с гвоздика и долбанула по моей глупой башке! И я мгновенно успокоился. А ещё я понял кое-что:

– Евгений, как только ты увидишь, что со мной не всё в порядке, бери кастрюлю и бей мне по лбу!

– Что ж, мне её с собой всегда таскать?

- Зачем всегда?
- Так с тобой всегда чего-то не то!
- Ты поговори, поговори, сейчас сам получишь!

Евген пожал плечами и ушёл в комнату. А я поспешил за ним, потому что вспомнил кое-что интересное, очень мучавшее меня.

Женька отравлял и без того насмерть отравленный воздух в нашем жилом помещении, но было видно, что курение не доставляет ему абсолютно никакого удовольствия, и делает он это только по привычке.

Я вначале открыл окно пошире, а потом задал так мучивший меня вопрос:

- А скажите-ка мне, господа, что это за бумажка, с которой Евген тут полночи блуждал? Женька ненадолго задумался, а потом улыбнулся:
- Это карта. Вернее, план.
- План чего? – не понял я ни шиша.
- План этой комнаты и находящихся в ней предметов.
- Но для чего?!

И Женька рассказал очень простую историю.

Среди ночи закончилось спиртное. Нужно было добавить. И пива-то было ещё много, но оно находилось в комнате, припрятанное в спальном месте у Женьки. Но в комнате спал я, а мои друзья – люди чуткие, они не решились зажечь свет и, тем самым, разбудить меня. Решено было идти в темноте, хотя в начале августа ночи в этих широтах коротки и прозрачны, это, скорее, сумерки. Так как зрением Женька похвастаться не может, решено было послать Евгена. Но он не знал, где босс спрятал бутылки. И тогда тот (даром, что ли, геодезист?) решает нарисовать подробную схему. На ней он обозначает всю обстановку комнаты, да не просто абы как, а в едином масштабе, да ещё ориентирует план по сторонам света!

– Да, ребята, – делаю я вывод, – всё логично и правильно. Напиваются кто как: портные – в лохмотья, мясники – в сосиску, гинекологи – в три... сами, в общем, знаете, ну а вы напились в поликоническую проекцию Гаусса-Крюгера!

12

– Ну так что, я сбегая быстренько за пирожками? – бодрым голоском предложил Евген.
– Быстренько? – бросил на него взгляд поверх очков Женька и скептически хмыкнул.
И уж кому-кому, но мне его скепсис был понятен!

Выводка вторая, оправдывающая наш скепсис и открывающая некоторые тайны натуры Евгена.

Покупка пирожков и булочек – одно из любимейших занятий нашего самого полезного члена бригады. Он это дело освоил в совершенстве и исполнял его виртуозно!

Первая (а для многих основная или единственная) задача заключалась в том, чтобы пройти сквозь солидную охрану, а охрана сотой буровой – на уровне президентской! В первую ходку Евгена принялись основательно трясти трое очень нехилых секьюрити, но уже через десять минут горько жалели, что связались с этим симпатичным с виду пацаном. А через полчаса они не знали, как от него отвязаться. Евген своей непосредственностью и наивной логикой настолько их достал, что они дали добро ему для входа на территорию буровой в любое время суток и записали в своём журнале дежурств для последующих вахт, что если, не дай бог, на горизонте появится стройная фигура среднего роста, то лучше охране прятаться и не высываться ради сохранения в норме психического состояния!

С того дня Евген проходил безо всяких документов сам да ещё проводил с собой всех желающих, которых, благодаря бурно разлетевшимся слухам, день ото дня прибывало. Только Евген часто удивлялся, почему это всякий раз, когда он идёт через проходную, никого из охраны нету, скорее всего, говорил он, дисциплинка у них не на уровне!

И вот наш мальчик приходил в маленькую столовую, и его физиономия кардинально изменялась. Теперь она была не наивно-серьёзной, а бесконечно несчастной. И начинались его нескончаемые рассказы о бедах и мытарствах, сыпавшихся на него, как проценты на акции Абрамовича, о непосильном труде в топях болот и в лесных чащобах. Но больше всего слёз проливалось из очей доверчивых поварих, когда Евген начинал жуткие повествования о нас с Женькой, то и дело его унижающих чёрной работой и травящих голодом! К «бедному» мальчику тянулись стаканы с компотом и сочные отбивные, и он уплетал всё, почти не жуя, сам поверив в свои фантазии. Потом он закупал пирожки и булочки и, тщательно их пересчитав (не приведи, Господи, не донести хоть одну – живьём съедят, как говорил он о нас!), отправлялся в обратный путь. Придя домой, он заявлял:

– Вот ваша доля. Свои я уже слопал, очень кушать хотелось.

Мы с Женькой не торопились поглощать выпечку, и для Евгена это было как ржавый нож в горячую селезёнку:

– Ну что же вы не едите?! Они же зачерствеют!

– Какое тебе дело до нас? – возмутился Женька. – Ты свои сожрал, вот и будь спокоен.

– Да как же ему быть спокойным! – встревал я. – Посмотри, его же прямо трясёт, так ему хочется всё это сметелить!

– Фигу с кетчупом ему, а не пирожки! – делал грозное выражение добродушного лица Женька и показывал симпатичный кукиш.

Но Евген это всерьёз не принимал, он чётко знал, что, помучив его недолго, мы всё же поделимся с ним вкуснотенью, а уж он её смолотит в сотые доли наносекунды!

Итак, Евгений взял деньги и помчался в столовку, а мы приготовились ближайший час провести с пользой: Женька выписывал данные на очередной участок трассы, а я решил подготовить топоры – наше основное орудие труда. Конечно, двадцать первый век уже бодро топтал старушку Землю, и где-то разрабатывались алгоритмы прорезки просек и визирок лазерными лучами и гравитационными ударами, но мы по-прежнему рубали ёлочки и берёзочки топориками, а кустики – саблями. Но ничего, мечталось нам, не пройдёт и века, как самые высочайшие технологии придут к нам на вооружение и помогут... Да ладно, никто не придёт и никто не поможет – щуку Емеля завялил и сожрал с пивком, жар-птица эмигрировала в Австралию, а конёк-горбунок сделал пластическую операцию и, лишившись горбика, потерял всю волшебную силу. Так что вся надежда на мозолистые руки да древние топоры! А касательно высочайших технологий, так на то они и высочайшие, что хрен до них дотянешься!

Женька только-только успел вытащить из планшета схемы, а я лишь пару раз провёл по лезвию топора бруском, как резко распахнулась дверь, и на пороге появился Евгений, а, спустя несколько секунд, донёсся топот шагов – это звук догнал наконец-то притклого бегуна. Евгений бросил на меня взгляд, полный абсолютного превосходства, и небрежно произнёс:

– Вот ты тут ерундой всякой занимаешься, а там целыми стаями белые «девятки» тусуются!

– Где? – резко вскочил я и подлетел к Евгению.

– Там, – махнул он рукой в сторону, противоположную дороге, – у столовой.

– Нет, там столовой быть не может, она абсолютно в другом направлении, – попытался было Женька всё разложить на свои места. Но я, не стремясь даже вникнуть в смысл его слов, бросился на улицу, легко сметая Евгения, всё ещё стоявшего в дверях. Я услышал сзади оханье и глухой стук, но не оглянулся, а только ускорил бег. Да, я бежал, я летел, и грудь сжимало, в ней была пустота, потому что сердце оттуда давно выскочило и мчалось далеко впереди!

Вместо целой стаи тусующихся «девятков» я увидел лишь одну. Она стояла у проходной, а за рулём её сидел какой-то мужик, отражающий солнечные зайчики бритым черепом. Я не знаю точно, что он подумал, когда увидел бегущего к нему человека, который был явно не в себе да ещё сжимал в руках немаленький топорик, но он выскочил из машины так проворно, что, кажется, даже не открывал дверцу – по крайней мере, я этого не заметил!

Бритый мужик исчез в будке охраны, а я, осознав всю нелепость ситуации, только вздохнул и поплёлся восвояси.

– Ну, как? – вопросительно-робко глянул на меня Евгений, когда я вернулся, уже совершенно успокоенный.

– Всё хорошо, все остались целы и невредимы!

– В каком смысле?

– В самом прямом.

– Значит, это была не она, – разочарованно протянул Евгений.

Лицо его окатила тёмная волна печали, парень съёжился, поник, и мне его стало очень жалко:

– Не грусти, Евгенийчик, все узлы когда-нибудь да развязываются, а если нет, то Гордий давно подсказал идеальный выход!

– Это ещё кто такой? – волну печали с лица Евгения смыла волна любопытства.

– Это мифологический персонаж, – пояснил Женька, попыхивая дымком, – он узлы не развязывал, а разрубал.

– Ну и правильно, – одобрил Евгений, – чего с ними возиться!

– Правильно, конечно, только вот верёвочку потом как свяжешь?

– Да чего её связывать, мало этих верёвочек, что ли?

– А если эта верёвочка – судьба?! – выдохнул с горечью я.

Евгений непонимающе посмотрел на меня, после перевёл взор на Женьку:

– Чего это он?

Но я не дал Женьке ответить:

– Да ничего, всё хорошо! Ты мне, Евгеньчик, скажи только одно: где ты углядел целую стаю белых «девяток»?

– Да не знаю я, Серж, но мне показалось, что там их так много!

– Ага, и во всех находятся голубоглазые девушки! – ухмыльнулся Женька.

– Я даже и не успел разглядеть, кто там в машине. Я, как только увидел эту «девятку», сразу же помчался, чтобы порадовать Сержа!

– И тебе это удалось бесподобно. Спасибо, Евгений! – поклонился я и приложил ладонь к груди.

– Кстати, а где пирожки? – вдруг вспомнил Женька. – Только не говори, что ты их все сожрал от радости!

– Да я как-то и позабыл о них.

Женька снял очки и поднялся с кровати:

– Прошу всех встать по стойке «смирно»!

Мы с Евгеном, ничего не понимая, поднялись.

– Серёга, запомни этот день и запиши дату в свои анналы. Я думаю, что больше такого чуда не случится.

Я умею мыслить и логически, и абстрактно, и, если необходимо, абсолютно алогично, но проникнуть в логику Женькиных инсинуаций мне не удалось. А тот, видя наше полнейшее недоумение, и испытывая от этого радостное превосходство, торжественно объявляет:

– Сегодня, в первый и, наверняка, в последний раз в жизни Евгений забыл про еду! А это значит, что не за горами апокалипсис или, на худой конец, – коммунизм!

13

– Нет, ну откуда только привозят эту гадость?! – выплюнул Евгений, войдя в комнату и плюхнувшись в изнеможении на своё ложе.

– Чем ты опять недоволен? – оторвал взор от книги Женька.

– А всем!

– Это понятно, но чем конкретно?

– Вода тут какая-то... – Евгений напрягся, подыскивая подходящее слово, и его физиономию разукрасили полутона разумности.

– Здравствуйте, – я с наслаждением оторвался от изучения компьютерных премудростей и развернулся к Евгению. – А вода-то чем тебе не угодила?

Но тот, совершенно не слыша меня, наконец-то отыскал заветное словечко и, разведя в стороны руки и склонив голову набок, вывалил его нам:

– Ненастоящая!

– Ненастоящая? – теперь уже Женька завалил башку на плечо и приподнял очки над глазами. – И какая же она?

– Вероятно, недостаточно мокрая, – высказал я гипотезу. – Или слишком влажная?

Евгений лишь тонко ухмыльнулся и посмотрел на меня, как на выпускника дурдома, но после, тоном Ноя, отмотавшего девятисотлетний срок жизни, пояснил:

– Эта вода, Серж, не смывает мыло!

Женька опустил очки на переносицу и, теряя интерес к беседе, вновь принялся за чтение.

Я же, обладая кое-какими остатками знаний школьной программы по химии, решил объяснить Евгению странности нашей воды:

– Тут всё очень просто. Вода эта скорее всего речная, а поскольку реки здесь не родниковые, а верховые, то и влага поступает в них в виде осадков. Ну, а осадки, как тебе хорошо известно из школы, – это проходят в третьем классе, там ты должен был учиться! – это водичка дистиллированная.

Евгений смотрел на меня, как крестonosец на бронепоезд – недоверчиво и абсолютно неосмысленно

– Неужели тебе не понятно?! – я даже растерялся от такого тупизма. – Вода дистиллированная, а это значит, что в ней нету солей!

Взгляд Евгения не изменился.

– Солей нету! – почти закричал я, и Женька, уже совершенно не помышлявший о чтении, с удовольствием закурил и приготовился получать удовольствие от происходящего.

– Ну что ты кричишь, Серж, я всё понимаю – в этой воде нет соли. Да я её сколько выпил, уж если бы она была солёная, небось, почувал бы!

– Придурок! – выдохнул я и повернулся к Женьке, как бы прося помощи, но тот тихо давился смехом.

– Ладно, объясняю подробно. В дистиллированной воде не содержатся соли, но это не та соль, которой мы заправляем кашу, Евгенийчик! Хотя, если быть точным, то это тоже соль – хлорид натрия, но в данном случае это к делу не относится.

По выражению глаз Евгения я понял, что запутал его этим замечанием ещё больше. Тогда я решил всё упростить до идиотизма:

– Короче, в нормальной воде содержатся вещества, которые расщепляют жиры, и происходит реакция замещения, – тут я вовремя притормозил: – В общем, соли растворяют мыло и оно превращается в другие вещества. Но это происходит в нормальной воде, а в дистилляте нет ни хрена, поэтому и мыло не расщепляется! Вот и всё!

– Ну а я что сказал? Что это – ненастоящая вода! – удовлетворённо заулыбался Евгений.

И тут относительную тишину комнаты разорвал звук, который я вначале принял за вопли пьяного слона, перепутавшего в первую брачную ночь слоницу с антилопой гну. Это смеялся Женька!

Успокоился он довольно скоро и, вновь закулив, посетовал:

– Какая жалость, что не было магнитофона! Тут Дубовицкая со своей бандой и близко не валялась!

А Евгений посмотрел на меня долгим пронзительным взглядом и уважительно сказал:

– А ты, Серж, здорово в химии шарить, наверное, это твой любимый предмет был в школе?

– Просто Серёга в школе учился, а ты там отбывал наказание! – уточнил Женька.

– Да ладно, – обиделся Евгений, – я тоже в химии поработал. У нас в городе завод есть химический, так я там кислоту разливал. Между прочим, завод этот замутил мужик один, вы его должны знать.

Мы с Женькой недоумённо переглянулись.

– В Питере ему памятник стоит.

– И как же его фамилия? – уточнил я.

– Да хрен его знает, не помню я!

– Ну, это и к лучшему, – констатировал Женька, – а то сейчас начнём выяснять, что за мужик, в пиджаке или с бородой, сидит или нет. А это всё уже было!

– Да, – подтвердил я, – и гораздо интереснее! Но, Евгенийчик, ты хоть что-нибудь понял из того, что говорил я, или нет? Только честно!

– Да что я, совсем полный дебил?! Ясно, что если в воде нет соли, то мыло она смывать не будет.

– Правильно! – вздохнул я с облегчением.

– А поэтому, – продолжил Евгений, – я сейчас возьму с собой пачку соли, высыплю её в таз с бельём, и всё отстирается легко!

14

Вскоре после нашего диспута о ценности местной воды, от Иваныча, с оказией, пришло распоряжение. Кому-то из нас было необходимо смотаться к гидрологам, расположившимся недалеко от нашего домика, и получить от них некоторые данные. Кто-то из нас, оказавшийся, естественно, мною, ибо инженеры второй категории не предназначены для курьерских работ, завёл свой драндулет и отправился в путь.

Езды было всего ничего – километров пятнадцать, но путь проходил как раз через памятное место, ставшее почти священным для меня. Я остановился на обочине, вышел из кабины и встал, скорбно склоня голову, словно поминая свою прошлую жизнь.

Возле меня тормознул нефтевоз, и из кабины выглянула весёлая кавказская рожица:

– Слюшай, дарагой, савсем паламался, да?

– Совсем, – ещё больше понурил голову я.

– Памочь надо, да?

– Да кто ж мне поможет, – промямлил я, и только тут осознал, что же может подумать в этой ситуации сторонний наблюдатель. – Да нет, брат, всё хорошо, просто вышел мозги проветрить. Езжай, спасибо!

«Урал», грозно взревев своим мощным двигателем и обдав мою хмурую физию горячей отработкой, неторопливо двинул на юг. А я, пару раз чихнув, почему-то повеселел. Ведь я же попросил Иваныча отыскать мою незнакомку, и он обещал это сделать. А если уж Иваныч обещает, то всё будет в порядке, вопрос лишь во времени. Нужно ждать!

Гидрологов я отыскал легко. Возле небольшого серенького балка, покрытого резиновым шифером, болтались несколько вахтовиков.

«Интересно, чего они тут собрались? – задумался я. – Неужели и им нужны данные о речках и ручейках?»

Но, когда я вошёл в балок, этот актуальный вопрос разрешился сам собою. В тесном, но очень чистеньком и опрятном помещении, находились несколько женщин. То, что это именно женщины, было понятно сразу, несмотря на то, что одеты они были так же, как и мы – в противоэнцефалитные костюмы и резиновые сапоги. Но вот головы их, в отличие от наших, были покрыты разнообразными косынками.

Гидрологов было трое. Одна из них давно и уверенно прошагала по жизни пятый десяток – это я понял по её лицу, красиво оттенённому сеточкой морщинок. Но зато обе её коллеги были достаточно молоды, хотя подробно мне их разглядеть не удалось.

– Привет, о прелестные гидрологини! – низко поклонился я.

– Привет и тебе, прелестный незнакомец! – парировала пожилая. – Там, на свежем воздухе, томятся ещё некие прелестники, так шёл бы тоже к ним, а!?

– За что же такая немилость? – оторопел я. – Неужто вам даже нелюбопытно узнать, для чего я к вам прибыл?

– Да знаем мы, для чего все вы прибываете! Только хрена с два чего тут обломится!

Я несколько растерялся от такого приёма, но быстро понял его подоплёку.

– Да нет, я к вам не свататься приехал и даже не заводить знакомства. Мне нужно получить данные по некоторым объектам, например, по ручью Сеттявис.

– А-а, так ты геодезист? Тебя Николай Иванович послал?

– Ну, я бы не сказал, что он меня так уж и послал, поскольку у нас хорошие отношения, но вот попросил заехать, это да.

– Так что ж ты молчал?!

– Да как-то я и не заметил, что молчу, – несколько жеманно пожал я плечами.

– Смешной, – хихикнула девушка, сидящая за столом над разложенными схемами.

– И почти симпатичный, – добавила вторая, притулившись в затенённом углу балка.

Мне стало даже как-то обидно за это «почти», хотя на роль красавца я никогда не претендовал:

– Может, вы и решили, мадам, что я сюда из Питера прискакал на конкурс красоты мужских физиономий, но, уверяю, так низко я падать не собираюсь!

– Во-первых, не мадам, а мадемуазель, – поправила меня девица и ещё глубже вдавилась в угол балка, – а, во-вторых, я не хотела вам нанести такую глубокую обиду!

Я хотел было как-то осадить девчонку, но вдруг понял, что она едва сдерживается от смеха. Не зная, как же правильнее разрядить обстановку, я лишь выдал:

– Один ноль в пользу гидрологии!

– И всего-то? – удивилась третья гидрологиня. – Я думаю, что Ларочка заслужила хотя бы два очка!

– По суровым, но справедливым правилам тундры за победу присуждается только одно очко, и оно – ваше! – милостиво заявил я. – Приезжайте к нам, на сотую, и там мы продолжим наш поединок.

Меня почему-то стала тяготить эта беседа, а в душе заскреблись смутные предчувствия:

– Я очень тороплюсь – геодезия зовёт! Выдайте мне, пожалуйста, материалы.

– Да ради бога, – пожала плечами старшая и протянула мне папку, – всё давно готово.

А вот в гости мы к вам обязательно заявимся. Очень уж хочется взглянуть на ту самую геодезию, ждущую вас с таким нетерпением.

15

Женька изящно разогнал по поверхности лужи нефтяные пятна и надолго припал иссушенным ртом к влаге. Утолив жажду, он сменил позу из Кама-сутры на обычную и менее сексуальную – встал в полный рост.

– Ох, и здорово! – потряс он мокрой бородой и полез в карман за никотиновым допингом.

Следом за ним плюхнулся в лужу и Евгений, жадно причмокивая, принялся заливать грязноватой водой свою систему охлаждения. Наполнив утробу под завязку, он вытер рот и блаженно улыбнулся:

– Точно, босс, это просто кайф! И как ты, Серж, можешь целый день не пить? Я не представляю!

– А я не представляю, как вы можете пить эту гадость. Тут же вся таблица Менделеева плавает или по дну ползает!

– Да-да, – насторожился Евгений, – где-то я про эту таблицу уже слышал.

– Это тоже в школе проходили, – подсказал Женька, – её, как ты выразился, Менделеев замутил. А находятся в этой таблице все химические элементы, существующие в природе, и расположены они в определённом порядке. Кстати, Евгений, а откуда это ты словечко такое подхватил?

– Да нормальное слово. Замутить – это значит, что-то сделать или придумать. Просто вы уже старые и нас, молодых, не понимаете!

– Ах ты, зараза, – возмутился Женька, – это я-то старый? Да мне ещё сорока нет!

Евгений посмотрел на него снисходительно:

– Старый – это тот, кому больше тридцати!

– В таком случае, я вообще развалина древняя, а Фёдорыч – высохшая мумия! – сделал вывод я.

– Да я и сам-то уже не молодой, – вдруг загрустил Евгений, – ведь мне уже двадцать семь!

– Пора на свалку, дружок! – похлопал его по плечу Женька.

А я поболтал сапогом в луже, из которой так жадно хлебали мои коллеги, и заявил:

– Будете пить такую гадость – точно постареете! И возраст тут совершенно не при чём. Ты лучше расскажи-ка, Евгенийчик, какие там у вас, молодых, ещё есть словечки интересные.

– Всякие есть, что я, словарь ходячий, чтобы всё помнить.

– Ну, хоть что-то.

– Ну, – почесал Евгений лоб, – замутить, тусоваться. Ещё дискотеки мы называем кислотными.

– Кислотными? – удивился я. – А почему?

– Почему-почему, да потому, что они – кислотные!

– Это, конечно весомый аргумент, – съязвил Женька, – но кислота-то здесь с какого боку?

– Да ни с какого. Это значит, что дискотека крутая, отпадная!

– Нет, Евгений, – усомнился я, – тут что-то не то. Это, вероятно, потому, что на этих дискотеках торгуют наркотой, а она на жаргоне и есть кислота.

Евгений посмотрел на меня очень удивлённо и, вместе с тем, уважительно:

– А ты, Серж, совсем не старый!

– Ну, спасибо, спасибо, что годков мне поубавил!

А Евгений, не уловив иронии, оживился:

– А вот ещё словечко есть: попыжить.

– Попыжить? И что же сие значит?

– Это значит, что, вот, у тебя что-то было, и вдруг – нету.

– Потерять, то есть? – предположил Женька.

– Нет, не потерять.

– Значит, пропить, – попытался угадать я.

– Нет, не пропить.

– Тогда украли! – твёрдо заявил Женька. – Больше ничего быть не может!

Евген хитренько улыбнулся, видя полный примитивизм нашего мышления, и высказал познания в филологии:

– Попыжить – это когда у тебя что-то было, и вдруг оно – бац! – и уже его нету! И никто не украл, никуда не потерял. Просто оно бесследно исчезло, кончилось.

Евген нас победно оглядел, но мы лишь разочарованно пожалы плечами. А Женька, снова закурив, бросил:

– Нагнал тут тьмы на египетские пирамиды, а разогнать забыл!

– Да, Евгенчик, – поддержал я его, – какой-то туфты ты тут налепил нам!

– Вы просто не сечёте в правильных словах! – слегка обиделся тот. – Я же так подробно объяснил!

– А ведь точно, Серёга, – неожиданно оживился Женька, – это очень правильное объяснение. Сам посуди. У нас было столько жратвы, что не знали, куда её разложить. И вот проходит совсем немного времени, а вся провизия куда-то исчезает. И, заметь, что никто её не воровал, да и съесть столько мы не могли. Где всё?

– Не иначе, кто-то попыжил, – делаю вывод я. – Только кто он, этот кто-то? Да и с пирожками у нас та же проблема. Всё кем-то попыжено!

– А я-то здесь при чём? – безо всякого энтузиазма спросил Евген и, встав на карачки, принялся с показной жадностью хлебать цветистую водицу.

16

Мы сидели в балке у Палыча. Нас было семеро: наша доблестная бригада и бригада самого Палыча, но плюс Пилял. Дело в том, что Фёдорыч, умело использовав всех и вся для наиболее скорейшего выполнения своего задания, успешно справился с ним и свалил домой, великодушно предоставив оставшимся устранять мелкие недочёты и неожиданно возникающие проблемы. А проблемы возникали постоянно, потому что заказчики – в пику канувшим советским временам – стали более требовательны и более наглы. Но что делать, кто платит, тот и диктует, и приходится с этим мириться и выполнять самые смешные пожелания.

Так вот, Фёдорыч уехал, а с ним подался до дому и неправильный Сапог, и у Палыча теперь была суперправильная бригада, которая нынче хлебосольно принимала бригаду нашу в своём уютном балке. Для тех, кому слово балок ничего не говорит, я посоветую вспомнить американские фильмы, в которых крутые авто таскают огромные домики на колёсах. В этих домиках есть всё: водопровод, туалет, телевизоры, кондиционер, классная мебель и ещё много-много других приятных бытовых мелочей. Балки, в коих нам приходится жить здесь, в Заполярье, очень похожи на эти домики. Они тоже на колёсах и тоже огромны, даже более огромны, чем американские аналоги. В них тоже есть водопровод (только местный – в пластиковой бутылке из-под воды), туалет (но он в основном на улице), кондиционер (если открыть зимой двери), мебель (правда, она менее классная) и много-много других приятных бытовых мелочей (топоры, лыжи, нерабочие автомобильные двигатели и иные запчасти, а так же старые валенки и сапоги, которые уже ни на что негодны, но выкинуть их на свалку рука не поднимается).

Итак, мы сидели в уютном голубом балке (это цвет его, а не сущность!) и делились впечатлениями от работы, быта и жизни своей в частности и человечества в целом. Когда проблемы всего человечества были легко разрешены, а для лечения заболевшей дигнилизмом цивилизации гомо сапиенс были выписаны необходимые рецепты, темы постепенно приземлились и стали касаться нас самих. Я с большим удовольствием рассказал о своих находчивых друзьях, не растерявшихся в тяжёлой ситуации и сумевших не только не заблудиться ночью в комнате, но ещё и создавших оригинальный план – вершину картографического творения! Палыч, в силу своего образования более других оценивший эту ситуацию, просто катался на нарах от смеха, представляя пьяного Евгена с планом в руках.

Но как-то незаметно разговор перешёл на Фёдорыча, и тут уж Сапоги принялись выплёскивать дозы претензий к этому легендарному человеку.

– Приехали мы на трассу, дед инструмент устанавливает, – рассказывал Мишка, – я заправляю пилу и жду, когда он мне выдаст направление. Вдруг, смотрю, а он весь побелел, потом побагровел. Ну, думаю, плохо человеку, сейчас упадёт. Нет, не упал. Уставился на меня да как заорёт: «Ё.... м...! С... -....ь, ты что мне не сказал, я карандаши и блокнот забыл!» И начинает махать руками и подпрыгивать, как козлик. Я поначалу подумал, что он шутит, разве это моё дело – за блокнотиками его приглядывать? А он орёт да орёт, даже в ушах позванивать начало. И ясно мне стало, что он всё это серьёзно! Ах, гад, думаю, сейчас я тебе устрою! Завожу пилу, поднимаю её на уровень груди и иду на деда. Подхожу к нему и говорю: «Стой смирно, я сейчас из тебя карандашики выпиливать буду!» Гляжу, а дед опять побелел, назад отскочил и заулыбался как-то странно: «Ты что, Миша, я же пошутил!» С тех пор, когда я с пилой в руках, он всегда спокоен и на приличном расстоянии от меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.